

УДК 94(470.331)''18/19''+37.014.521:281.93
DOI 10.26456/vthistory/2026.1.031

Тверское женское епархиальное училище: 1895–1918 гг.

Т.Г. Леонтьева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»,
г. Тверь, Россия

В статье представлены события, предшествующие открытию в губернском городе Твери женского епархиального училища (ТЕЖУ), его развитие с 1895 по 1918 г. На основе массива документов: материалов епархиальных съездов тверского духовенства, церковной прессы, свидетельств современников и архивных данных, выявлены особенности учебного процесса, финансово-хозяйственная деятельность, устройство быта и отношение к учебному заведению епархиального духовенства. Проведенное исследование показывает, что вопросы образования девушек из духовного сословия при очевидном запросе со стороны семей священнослужителей не всегда находили своевременную поддержку. Постоянный контроль ТЕЖУ со стороны учредителей, с одной стороны, демонстрировал открытость в обсуждении насущных вопросов его деятельности, с другой – ограничивал любые инициативы, требующие финансовых вложений. При этом выпускницы оказывались востребованными при решении задач народного образования.

Ключевые слова: *Тверское женское епархиальное училище (ТЕЖУ), Тверская епархия, епархиальные съезды, женское образование.*

Вторая половина XIX в. – время интенсивного развития женского образования, которое привлекало и светских барышень, и девиц из духовного сословия, их родителей или попечителей. Первое в России женское духовное училище открылось в 1843 г.¹, к середине XIX в. при епархиальных управлениях и монастырях Российской империи функционировали уже 22 подобных заведения, к 1914 г. – 77². Их деятельность представлена в современной отечественной историографии немногочисленными исследованиями³, что побуждает обращаться к данной теме прежде всего на региональном уровне.

¹ Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. Репринт. 1992. Ст. 2217.

² История православной церкви в XIX веке. Славянские церкви. М., 1998 (репринт. изд. 1901). С. 615, 645.

³ См.: Андреева Е.А. Возникновение и развитие епархиальных женских училищ в России. Автореферат дис. ... канд. пед. наук. М., 2000; Попова О.Д. В стенах конвикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань, 2006; Ефимова У.П., Попов

Как и подобные гражданские учреждения, училища для девиц духовного звания ориентировались на поддержку сирот, и концептуально данный тип учебных заведений базировался на тех же основаниях. Они были изложены в «Наставлениях для образования воспитанниц женских учебных заведений» П.Г. Ольденбургского (начальника женских учебных заведений ведомства императрицы Марии) в терминах «Домостроя»: «главное назначение женщины есть семейство, ... ей суждено не повелевать, а покоряться мужу»⁴. А внутреннее устройство первых училищ основывалось на несколько устаревшей, но живучей системе И. Бецкого, опиравшегося во многом на идеалы Феофана Прокоповича: для «благополучия Российского рода» нужна «новая порода отцов и матерей», способных дать детям «основательные правила воспитания», а для «достижения благонравия» следует изолировать их от всех влияний окружающей среды, дать элементарные знания и утвердить в них страх Божий⁵. Предполагалось, что девицы, пройдя обучение, смогут обучать грамоте детей в начальных школах, а наиболее успешные из них – заменить гувернанток-иностранок⁶. Данные постулаты закрепились в женском образовании надолго, несмотря на усилия самих женщин разорвать административно-приказные нити.

Первые учебные заведения для дочерей духовенства именовались «училище девиц духовного звания», «женские училища духовного ведомства»⁷, и обучались в них по преимуществу сироты или девочки из беднейших семей. Они открывались с ведома Св. Синода и местного архиерея, но не имели единообразной системы управления, образования и воспитания, их учредителями выступали по преимуществу частные гражданские лица⁸.

В пореформенный период, в разгар обсуждения так называемого женского вопроса и права женщин на образование, появляется новый тип учебных заведений – женские *епархиальные* училища (ЖЕУ). Согласно Уставу от 20 сентября 1868 г. это «учебно-воспитательные заведения для образования дочерей православного духовенства (§ 1) в статусе средних

М.В. Епархиальные женские училища в Екатеринбурге; Якименко В.В. Из истории возникновения московских епархиальных женских училищ // Вестник РГГУ, 2012; Мурских Л.В. Из истории женского духовного образования в г. Орле // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2001. № 2. С. 49–52; Дорофеева А.А. К истории епархиальных женских училищ в России (историографический обзор) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 2 (63). С. 14–23.

⁴ Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений [Ольденбургский П.]. СПб., 1852. С. 9.

⁵ См. Бецкой И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоюбого пола юношества / Конфирмованное ея имп. величеством 1764 года марта 12 дня. СПб., 1764; Миллюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 2. М., 1994. С. 256–273.

⁶ Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. С. 8.

⁷ Богдавленский В., свящ. Епархиальные съезды духовенства, их деятельность и значение. Омск, 1902. С. 55.

⁸ Богдавленский В., свящ. Указ. соч. С. 54.

учебных заведений⁹ (курсив мой. – Т.Л.). Важно отметить, что даже после отмены в 1869 г. принадлежности детей духовенства к духовному званию дочери служителей церкви сохраняли право получать полноценное образование в специализированных учебных заведениях.

Открывались новые училища, как и прежде, с разрешения Св. Синода по ходатайству епархиального архиерея с обязательством обеспечивать их имущественные потребности. Принципиальное отличие епархиальных училищ от духовных состояло и в том, что они находились под жестким контролем местного духовенства через постоянно действующий орган – епархиальный съезд¹⁰.

Учредители уповали на то, что образованным благовоспитанным поповнам будет поручено учительство в сельских школах. Исполнять функции учителей ещё реформой 1804 г. предписывалось приходским священникам¹¹, от чего они в массе своей уклонялись. Дочерям предстояло заменить отцов на педагогическом поприще. Считалось также, что в будущем образованные супруги священнослужителей смогут благоприятно воздействовать на «неразвитую женскую половину прихода», костенеющую «в невежестве и грубейших суевериях, не умеющих обращаться с детьми, не знающих самых элементарных гигиенических правил здоровья»¹².

Примечательно, что и интерес дочерей духовенства к образованию год от года только возрастал. В крупных (по преимуществу столичных) городах они становились слушательницами высших женских курсов. К примеру, в Санкт-Петербурге на медицинских курсах в 1898 г. они составляли 4,8 %, на курсах архитектурных знаний при Политехническом институте – 7,1 %. На высших медицинских курсах в Казани, Киеве, Томске (всего – 8 городов) обучались 798 дочерей духовенства (16,1 %, 1910 г.)¹³. Обучение и проживание вне дома требовало немалых затрат. При многодетности священнических семей и массовой бедности духовенства, особенно сельского, возможности девушек в части получения образования были существенно ограничены. Действующие духовные и епархиальные училища незначительно выправляли ситуацию. К началу XX в. все классы в них были переполнены¹⁴. В таких условиях очередное открытие епархиального женского училища в Твери стало событием закономерным и ожидаемым.

* * *

История женского образования для девиц духовного звания в Тверской епархии начинается открытием в 1865 г. частного *духовного* училища

⁹ См.: Устав епархиальных женских училищ. Харьков, 1868.

¹⁰ Богоявленский В., свящ. Указ. соч. С.54.

¹¹ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 284.

¹² Богоявленский В., свящ. Указ. соч. С. 57.

¹³ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 280–282.

¹⁴ Епархиалки. Воспоминания воспитанниц женских епархиальных училищ / сост., предисл., подгот. текста и коммент. О.Д. Поповой. М., 2011. С. 21.

в уездном городе Ржеве на средства молодой купчихи А.В. Мазуриной¹⁵. В 1895 г., на момент появления *епархиального* училища в Твери, его преобразовали из 3-классного в 6-классное с годичным курсом¹⁶, и в нем обучались 132 ученицы: 86 дочерей священнослужителей, 46 – инословных¹⁷. Для епархии, где проживало более 2,5 тыс. семей служителей церкви¹⁸, подобная статистика указывает на масштабность и глубину проблем, связанных с организацией женского образования.

Разумеется, отцы семейств, планируя будущее дочерей, не ограничивались лишь ресурсами епархии. К примеру, известный «прогрессивный» калязинский священник И.С. Белюстин при острой нужде в средствах все же смог направить в Санкт-Петербург сразу двух дочек, третья обучалась в частном пансионе¹⁹. В губернской учительской школе П.П. Максимовича на момент открытия ТЕЖУ числились 46 девушек из духовного сословия²⁰, ежегодно иные из них поступали в Мариинскую гимназию в Твери. При наличии стипендии от епархии молоденькие поповны поступали в Царско-сельское училище в Санкт-Петербурге. Однако нуждающихся в образовании даже в пределах епархии было гораздо больше, и они оставались «на обочине прогресса».

В дореволюционных справочных изданиях сообщается, что впервые об открытии епархиального женского училища в Тверской епархии заговорили еще в 1870 г. в окружении архиепископа Филофея (Успенского). Вновь эта тема прозвучала в 1890 г., в день празднования 50-летия служения архиепископа Саввы (Тихомирова) тверское духовенство пожертвовало на организацию училища 5 940 руб., а юбиляр – 1 000²¹. В 1892 г. решение об открытии училища принимается съездом епархиального духовенства, полномочия сформированной им же для предварительной разработки вопроса специальной комиссии подтверждается указом тверской духовной консистории²². Но на поиски подходящего помещения и решение различных организационных вопросов ушло почти три года. В марте 1895 г. Св. Синод одобрил покупку у купчихи Фелицаты Нечаевой места для строительства нового здания на берегу Волги. Приобретенные вместе с землей изрядно обветшавшие постройки наспех отремонтировали, намереваясь

¹⁵ Тверские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1877. № 1. С. 19.

¹⁶ Там же. 1895. № 14. С. 187.

¹⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 33.

¹⁸ Тверской епархиальный статистический сборник (далее – ТЕСС) / сост. Добровольский А. Тверь, 1901. С. XXIII.

¹⁹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 103. Оп. 1. Д. 1289. Л. 68-68 об.

²⁰ *Веселовский Б.Б.* Исторический очерк деятельности земских учреждений Тверской губернии (1864–1913). Тверь, 1914. С. 252.

²¹ Храмовые празднества г. Твери. Вып. 2. Тверь, 1904. С. 4.

²² ТЕВ. 1895. № 24. С. 650.

разместить в двух каменных зданиях первые два класса и столовую, другие приспособить под хозяйственные нужды: погреб, баню, конюшню²³.

Набор в новое училище был объявлен летом 1895 г. К экзаменам в ТЕЖУ допустили 79 девиц²⁴, абитуриенткам следовало сдавать элементарный Закон Божий, русский язык (диктант, грамматика, пересказ и чтение наизусть), арифметику. Среди поступающих преобладали дочери духовенства, так как в июле 1895 г. Синод поручил епархиям оградить епархиальные женские училища от наплыва инословных учениц, принимая таких на курс не более 10 %²⁵.

Церемонию открытия назначили на 19 ноября²⁶. Епархиальный архиепископ Савва, уже тяжело больной, не мог лично посетить торжество, и его заменил епископ Старицкий Гавриил, викарий Тверской епархии. Но сочувственное отношение владыки к происходящему выразилось ярко и значимо: он передал председателю училищного совета 100 руб. на содержание одной из лучших воспитанниц-сирот и икону Спасителя²⁷.

Педагогический состав первоначально был небольшим, но представительным. Возглавила училище София Филипповна Виноградова, тридцати пяти лет, внучка тверского священника, с золотой медалью окончившая московский Александровский институт в 1877 г., с педагогическим стажем в 15 лет. На должность инспектора назначили Л.Ф. Добромыслова, выпускника Петербургской духовной академии, он же преподавал и Закон Божий. Учителя арифметики А.И. Анкирского пригласили из Тверской духовной семинарии, русский язык вели А.М. Лебедева, дочь священника, окончившая Тверскую Мариинскую гимназию с золотой медалью, и кандидат богословия, выпускник Казанской духовной академии Г.И. Залазинский. В штате оказались учителя географии и французского языка, церковного пения, за «особое вознаграждение» – мастерица по рукоделию (Соколова, двадцати четырех лет, выпускница 1-ой Васильевской школы женского Патриотического общества в Санкт-Петербурге) и две воспитательницы²⁸. На должности воспитательниц и их помощниц приглашали по преимуществу образованных дочерей священников, а уже после первого выпуска – своих лучших воспитанниц. В ТЕЖУ, как, впрочем, и во всех остальных подобных учебных заведениях в России, руководство не могло рассчитывать на постоянный и устойчивый состав преподавательских кадров. Действующий Устав изначально содержал существенный изъян: согласно его положениям, для преподавателей не предусматривалось ни права на пенсию, ни каких-либо иных служебных преференций. Училищам разрешалось лишь формировать собственные пенсионные фонды и тем са-

²³ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 88.

²⁴ ТЕВ. 1895. Вып. 24. С. 653.

²⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 28.

²⁶ В представлении архиепископа Саввы в Св. Синод его рукой написано, что училище открылось 13 ноября 1895 г. // РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 91.

²⁷ Храмовые празднества г. Твери. С. 6.

²⁸ ТЕВ. 1895. № 24. С. 652; 1900. № 2. С. 50–51; РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 91.

мым привлекать преподавателей к работе в училище²⁹. Данные обстоятельства, особенно на первых порах, не снижали энтузиазм обучающихся, однако в дальнейшем не раз оборачивались серьёзными проблемами.

Педагогический состав постепенно расширялся: уже после первого выпуска в училище остались 4 пепиньерки (стажерки), в порядке педагогической практики заменявшие учителей-предметников или воспитателей. Однако учредители склонялись к упразднению этих должностей из соображений экономии (жалованье каждой составляло 300 руб. в год)³⁰.

Основная задача педагогической корпорации состояла в том, чтобы помочь юным воспитанницам (принимали в училище с 9–10 лет³¹) с разноруровневой подготовкой и способностями освоить программу. Согласно Уставу 1868 г. полный курс состоял из шести одногодичных классов с общеобразовательными предметами и рукоделием, при наличии средств открывались подготовительные и специальные педагогические классы³². Наряду с изучением русского языка и арифметики, чистописанием и пением, в старших классах в учебный процесс вводились алгебра и физика, история и литература, психология. Поскольку по Уставу 1884 г. даже для академий, семинарий и училищ иностранные языки не признавались предметами первостепенной важности³³, изучать их могли там, где находились преподаватели и платежеспособные воспитанницы. Отметка по иностранному языку в аттестате статусно сближала выпускниц епархиальных училищ и гимназий. В ТЕЖУ предлагали изучать немецкий либо французский язык за 3 руб. в год. Но в дальнейшем комиссия епархиального съезда сочла эту сумму недостаточной и увеличила ее до пяти руб.³⁴.

Ещё дороже обходились дополнительные уроки музыки – 15 руб. в год³⁵. Начальственные дамы, видевшие в музыкальных занятиях один из способов прививать воспитанницам интерес к искусству, развивать чувство прекрасного, старались не ограничивать их только уроками церковного пения. Тем, кто не мог брать частные уроки, доводилось слушать музыку на различных училищных мероприятиях, петь в училищном хоре, который вел учитель церковного пения. В ТЕЖУ уже для первых наборов воспитанниц после публичной дискуссии на епархиальном съезде закупили 8 роялей, они стояли в классах и актовом зале. Такое приобретение выгодно

²⁹ РГИА.Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 141.; *Кремнев Д.* Женские епархиальные училища Российской империи в начале XX века: к вопросу о проблемах и перспективах развития // Вестник исторического общества Санкт-Петербургской Духовной академии. 2020. № 14. С. 97; Церковные ведомости. 1907. № 13. С. 77–79.

³⁰ Журналы экстренного епархиального съезда духовенства и церковных старост (далее – ЖЭСДиЦС), 12–20 декабря 1911 года. Тверь, 1912. С. 64.

³¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 173 об.

³² *Доброклонский А.П.* Руководство по истории русской церкви. М., 1999 (репринт. изд.). С. 594–595.

³³ См.: *Доброклонский А.П.* Указ. соч. С. 592–595.

³⁴ Журналы очередного епархиального съезда духовенства и церковных старост (далее – ЖОЕСДиЦС) 10–19 декабря 1909 года. Тверь, 1910. С. 110.

³⁵ ЖЭСДиЦС 12–20 декабря 1911 года. С. 200.

отличало вновь открытое училище от уже действующих. К примеру, в Архангельском ЕЖУ уроки пения велись под игру на фисгармонии – единственном инструменте, который «... с великим трудом дежурные перетаскивали из класса в класс»³⁶.

Однако в то ли от «усердия» пользователей, то ли вследствие ненадлежащего надзора, рояли часто приходили в негодность, что раздражало депутатов епархиальных съездов, утверждавших сметы на ремонт училищного оборудования. Только в 1909 г. администрации училища удалось согласовать продажу трех инструментов, чтобы на вырученные деньги починить 5 оставшихся и тем самым сохранить уроки музыки³⁷.

Важно отметить, какая роль в учебном процессе отводилась обучению рукоделию, данный предмет как никакой другой, по мнению учредителей, способствовал формированию женственности. К тому же изначально было очевидно, что не все воспитанницы смогут достичь «высших познаний в науках», поэтому обучение кройке и шитью, вышиванию и вязанию рассматривалось не только как перспектива для экономного ведения домашнего хозяйства, но и потенциальный заработок³⁸. Не случайно в руководстве ТЕЖУ со временем возникло намерение оборудовать специальную «профессиональную» мастерскую (или класс) для занятий «материальным трудом»³⁹. Его целенаправленно продвигала начальница Вера Васильевна Иванчина (вступила в должность в 1906 г.). В 1909 г., выступая перед депутатами епархиального съезда, она приводила вполне аргументированные обоснования. По ее наблюдениям за 14 лет работы училища ни один набор не заканчивался полным выпуском, учёбу прерывали по разным причинам, в том числе и из-за неуспеваемости: к примеру, из 79 (по другим данным – 70) воспитанниц первого набора лишь 47 закончили обучение в 1900 г.⁴⁰ С момента поступления в училище в свободное от уроков время девушки учились шить и вязать, а в старших классах уже вышивали шелком и золотом, изготавливали женскую обувь, плели шляпы, шили и перешивали одежду и белье (прежде всего – для себя), церковные облачения (рясы и подрясники)⁴¹. Профильный класс официально давал бы профессию швеи или портнихи, от чего выигрывали бы даже покинувшие училище. Очевидно, что начальница заботилась о будущем воспитанниц. Но депутаты решили, что достаточно обычных уроков в рамках расписания⁴².

Впрочем, не только это предложение забаллотировали депутаты. Они отклоняли даже те инициативы, которые могли существенно повлиять на профессиональную подготовку. Уже упоминалось, что при поступлении

³⁶ Н.Д. Лидина. Архангельское епархиальное училище начала XX века (Воспоминания) // Епархиалки. С. 148.

³⁷ ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. С. 124.

³⁸ Наставление для образования воспитанниц женских учебных заведений. С. 54–55.

³⁹ ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. С. 123.

⁴⁰ ТЕВ. 1895. № 24. С. 653; Храмовые празднества в г. Твери. С. 6, 7.

⁴¹ ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. С. 118.

⁴² Там же. С. 110, 127.

учредители среди прочего ориентировали девушек и на получение звания домашних учительниц. Их действительно обучали азам профессии, но удавалось ли им успешно выдерживать конкуренцию на рынке труда? Увы. Соседство с Мариинской гимназией, учительской школой П.П. Максимова, учительской семинарией не оставляло им шансов получить достойное место не только в Твери, но и в уездных городах, а в сельскую местность спешили не все. Вопрос о расширении статуса (и, соответственно, перспектив трудоустройства) длительное время обсуждался в широких кругах российской педагогической общественности, дискуссии велись в гражданской и церковной печати, и, наконец, в 1907 г. последовало «высочайшее повеление», разрешающее открывать седьмой дополнительный (педагогический) класс при епархиальных училищах для подготовки воспитанниц к учебно-воспитательной деятельности в народных училищах. За год (а если позволяли училищные средства – за два) девушкам предстояло освоить специально-педагогические предметы: методику, педагогическую психологию и углубить знания по отдельным общеобразовательным дисциплинам (литературе, гражданской истории, географии, естествоведению, физике, математике, гигиене)⁴³.

В ТЕЖУ, казалось, все обстоятельства складывались в пользу открытия такого класса. Численность старшеклассниц позволяла открывать параллельные классы, при училище имелась своя образцовая школа и интернат. Инициативная начальница В.В. Иванчина несколько лет пыталась склонить депутатов к принятию решения о специальной педагогической подготовке, но безуспешно⁴⁴.

Только в 1913–1914 учебном году депутаты признали целесообразным открыть дополнительный класс при наличии 20 учениц, готовых платить по 75 руб. в год только за уроки, с размещением его в главном здании. 10 % мест полагалось отвести наиболее бедным ученицам, освободить их от оплаты, а средства на их содержание училищному совету рекомендовалось получить из Учебного комитета Св. Синода⁴⁵. Но последующие события отвлекли всех от конкретных действий.

Финансы и хозяйство. Согласно уставу 1868 г. источниками содержания епархиальных женских училищ могли служить обязательные взносы монастырей и свечных заводов и добровольные пожертвования частных лиц и учреждений, средства из кошелековых сумм (с разрешения архиерея), плата за обучение «достаточных» учениц всех сословий, доходы от процентных бумаг, добровольные пожертвования⁴⁶.

Вся финансово-хозяйственная часть контролировалась епархиальными съездами: депутаты регулировали строительство и ремонтные работы, закупки и распределение, жалованье персоналу училища. Уже в первые го-

⁴³ «Положение о седьмом дополнительном классе при епархиальных училищах» // Церковные ведомости. № 41. 1907 г. С. 362.

⁴⁴ ЖОЕСДиЦ 10–19 декабря 1909 года. С. 137.

⁴⁵ ЖЭСДиЦ 12–20 декабря 1912 года. Тверь, 1913. С. 53–54.

⁴⁶ ТЕВ. 1898. № 12. С. 294.

ды работы училища стало очевидно, что обширный перечень возможных поступлений средств не гарантировал достатка и процветания учебного заведения. И дело не только в том, что монастыри и свечной завод нерегулярно перечисляли деньги, родители учениц неисправно платили за обучение, а пожертвования были редки.

Финансовое состояние значительно усложнялось отсутствием собственного здания. Старые постройки, постоянно требующие ремонта, все же не соответствовали требованиям к санитарному состоянию помещений⁴⁷. Немалые средства уходили на аренду квартир для детей и учителей, постепенно увеличивался контингент сирот, для их размещения требовалось общежитие⁴⁸. Всё это побуждало учредителей поспешить со строительством нового (основного) здания. Закладка фундамента состоялась в августе 1897 г. Возводили его по проекту губернского архитектора В.И. Назарина, подрядчиком выступал старицкий купец В. Епанечников⁴⁹. Несмотря на солидный заем в 100 тыс. руб. в епархиальной эмеритальной кассе, строительство шло медленно, и раньше главного корпуса сдали здание больницы, где временно разместили интернат для сирот. В 1899 г. недобросовестного подрядчика выгнали и завершали стройку под присмотром хозяйственной комиссии. Полностью училищный ансамбль сложился к 1900 г. с завершением строительства главного корпуса и освящением церкви во имя святой Варвары. Внушительного вида трехэтажное каменное здание с классами, спальнями, кухней на нижнем этаже признавалось современниками лучшим в городе и самым дорогим. Однако вскоре оказалось, что здание быстро дряхлеет, и уже в 1901 г. на епархиальном съезде отмечалось, что на текущий ремонт училища и установку двух калориферов на одном из этажей требуется 26 000 руб.⁵⁰

Летом 1907 г. экстренный съезд епархиального духовенства по предписанию синодального ревизора Н.Ф. Белявского обсуждал вопрос уже о капитальном ремонте. Ревизор обнаружил «неблагоустройства в административно-хозяйственной части»: бане, прачечной, образцовой школе и подвальном помещении и требовал привести их в порядок. Но, по мнению епархиального архитектора А. Федорова, первостепенными являлись лишь санитарно-технические работы и частичный ремонт полов⁵¹. Экспертные расследования затянулись, однако к декабрю 1909 г. специальная комиссия все же установила аварийность отдельных помещений основного здания училища. Пришлось признать, что для настила полов в актовом зале из паркетного дуба, в спальнях – из соснового леса и для установки межэтажных перекрытий использовался сырой материал. Со временем дерево рассохлось, и потребовалась не просто стяжка, а замена перекрытий и новая

⁴⁷ ТЕВ. 1895. Вып. 24. С. 651.

⁴⁸ Там же. № 14. С. 206.

⁴⁹ Храмовые празднества в г. Твери. С. 5.

⁵⁰ ТЕВ. 1901. № 22. С. 631, 638.

⁵¹ Протоколы экстренного епархиального съезда духовенства Тверской епархии (далее – Протоколы ЭЕСД) 17–25 августа 1907 года. Тверь, 1907. С. 29, 34.

укладка полов. Деревом были отделаны и другие помещения: кухня на нижнем этаже, лестницы, которые в случае пожара могли стать проводниками огня. Подача пищи наверх в столовую также проводилась по крутой деревянной лестнице. Комиссия подтвердила необходимость срочного ремонта с заменой деревянных коммуникаций металлическими, но требуемой суммы (3 095 руб.) не нашлось, и депутаты постановили провести работы в течение двух ближайших лет⁵². По настоянию городской думы и полиции вокруг училища и за его счет надлежало оборудовать тротуар, однако, рассчитав расходы, депутаты и его укладку отложили на годы⁵³.

Ещё больше дефектов в главном здании выявила вторая комиссия под руководством прот. Н. Стратоницкого. Подводя итоги обследования в декабре 1910 г., он докладывал епархиальному съезду о том, что «не заметила» предыдущая комиссия: сквозная труба калорифера так перегревала классы, что не помогали даже открытые форточки, в подвальных помещениях, приспособленных под квартиры для персонала (в том числе и инспектора), «сыро, темно, полы прогнили», деревянная пристройка с квартирами для преподавателей тоже оказалась в аварийном состоянии, поскольку столбы фундамента развалились, и здание утратило устойчивость; на главном фасаде опала штукатурка, сточные воды подтопляли полы прачечных и гладильного отделения. На этом фоне упавший забор, недостроенный тротуар, освещение керосиновыми лампами, от накаливания которых в классных комнатах «замечался порченный воздух» и переход на электрическое освещение⁵⁴ уже казались обычными бытовыми мелочами. Единственное помещение, не вызвавшее нареканий при любых проверках, – училищная больница, которая, как подчеркивали синодальные и местные ревизоры, отвечала всем требованиям благодаря ее заведующему Николаевскому⁵⁵.

Подобного рода проблемы обнаружилось и с другим объектом собственности училища. Еще до постройки основного здания учредители приобрели небольшой каменный особнячок, именуемый в документах «дом Киберштовича», и намеревались поселить в нем нуждающихся в жилье сотрудников или сдавать поквартирно в наем. Сразу три помещения за 7 руб. в месяц снял оборотливый делопроизводитель Синев, два из них он сдавал за 10 руб. в месяц, в третьем проживал сам. Остальные квартиры (как отмечалось в акте обследования – убогие и грязные) «не только не приносят какой-нибудь пользы училищу, а, наоборот служат притоном босяков и разных темных личностей, укрывающих краденые вещи из училища». ⁵⁶ Доходы от такой «коммерции» постоянно снижались, и вырученных денег не хватало даже на текущий ремонт⁵⁷. В 1909 г. начальница предложила епархиальному съезду разные варианты использования «дома Киберштовича»:

⁵² ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. С. 118, 120–122.

⁵³ Там же. С. 118, 120–122.

⁵⁴ Там же. С. 129.

⁵⁵ Приложение к журналу № 39 // ЖЭСДиЦС 12–20 декабря 1912 года. С. 208–209.

⁵⁶ ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. С. 126

⁵⁷ ЖОЕСДиЦС 12–20 декабря 1911 года. С. 192–193.

все-таки привести его в порядок и открыть отделение больницы для заразных больных; сдавать под квартиры преподавателям или приспособить дом и участок под скотный двор для разведения свиней и коров и приучать девушек к ведению хозяйства⁵⁸. Но только в конце 1911 г. депутаты епархиального съезда постановили снести старые постройки, а на освободившейся территории разбить сад для прогулок воспитанниц⁵⁹.

Постоянной, требующей решения, оставалась проблема выплаты жалования преподавателям и персоналу. По мере разрастания училища увеличивались нагрузки на немногочисленный штат учителей и воспитательниц. В 1901 г. училищный совет обратился к епархиальному съезду за одобрением расширения штата воспитательниц и повышения им жалования. Съезд разрешил принять в училище двух помощниц воспитательниц, но вознаграждение за труды оставил без изменений⁶⁰. Без колебаний депутаты согласились принять на службу только вторую учительницу рукоделия (с зарплатой 240 руб. в год и готовым столом), с тем, чтобы девушки шили себе белье и научились шить одежду для священников вплоть до риз и стихарей⁶¹.

Просьбы о повышении жалования персоналу поступали к депутатам практически ежегодно. В августе 1907 г. они наконец согласились повысить денежное содержание воспитательниц: старшей – до 420 руб., рядовой воспитательнице – 300 руб., помощницам – до 180 руб. в год⁶², но с некоторыми оговорками. По их соображениям, достаточно высокое жалование должно было привлечь в ТЕЖУ «лучшие силы», но выплачивать его предполагалось через начисление «периодических прогрессивных прибавок и за счет сокращения штата воспитательниц и упразднения института помощниц воспитательниц». Прибавку планировали выплачивать одновременно по окончании календарного года в сумме 30 руб. к базовому окладу в 180 руб. и постепенно доводить его до максимальной нормы. Этот план показался замысловатым даже епархиальному архиерею, предложившему в резолюции к протоколу «яснее и точнее определить право на прибавку»⁶³.

В этом же году училищный совет обратился к епархиальному съезду с просьбой в виде поощрения и из-за крайней нужды части персонала освободить их отплаты за обучение своих детей. Всем, за исключением служащих, состоявших в духовном сане, было отказано, в знак солидарности с ними не стала претендовать на надбавку к своему небольшому жалованию и начальница. Такое решение смутило архиепископа, который предложил назначить последней хотя бы столовые суммы, поскольку даже при двойном увеличении контингента обучающихся и, соответственно, объема

⁵⁸ ЖЭСДиЦС 12-20 декабря 1911 года. С. 61–62. О значении трудового воспитания см. подробнее: *Попова О.Д.* В стенах конвикта. С. 165–175.

⁵⁹ ЖЭСДиЦС 12-20 декабря 1911 года. С. 193.

⁶⁰ ТЕВ. 1901. Вып. 22. С. 634.

⁶¹ Там же. С. 634, 675.

⁶² Протоколы ЭЭСД. С. 36.

⁶³ Там же. С. 37.

работы она не имела даже такой общепринятой в других училищах льготы, как казенный стол⁶⁴.

Кстати, регулирование жалования начальницам было ещё более жёстким, что особенно четко обнаруживается при формировании бюджета училища на 1909–1910 г. В 1908 г. он составлял 80 316 руб. в год⁶⁵, на 1909 г. потребовались средства на единовременные расходы (текущий ремонт, покупка «стирательных» машин, приборов для физического кабинета и различные материалы для преподавания других предметов, устройство тротуаров) – всего 87 198 руб.⁶⁶. Превышение сметы более чем на 7 тыс. руб. показалось депутатам невыполнимым и вынуждало их пойти на непопулярные меры.

Экономить начали с сокращения жалования начальницы. Изначально с оплатой этой должности возникли некоторые недоразумения. По Уставу всем занимавшим ее полагалось жалование в 500 руб. При открытии ТЕЖУ в 1895 г. (возможно) по молодости и малоопытности С.Ф. Виноградовой назначили 300 руб. и 240 руб. выделили на аренду квартиры. Учебный комитет Св. Синода указал епархиальному архиерею на нарушения Устава и предписал повысить ей жалование и поселить в помещении училища, чтобы та постоянно находилась при воспитанницах⁶⁷. В дальнейшем занявшая пост начальницы В.В. Иванчина по личному распоряжению архиепископа Алексия получала жалование 600 руб. и 60 руб. на разъезды⁶⁸. В смете на 1909–1910 г., представленной училищем на обсуждение, запрашивалась уже 1000 руб. Депутаты не только отклонили этот запрос, но и сократили прежние выплаты до 500 руб. и 40 руб. соответственно. Не исключено, что это стало следствием непростых взаимоотношений Иванчиной с депутатами. Тем более что после ее отставки жалование и разъездные расходы новой начальнице увеличили⁶⁹.

Без повышения жалования в очередной раз остался и технический персонал училища.

Третья проблема при расчете бюджета на 1909–1910 гг.: приобретение оборудования. Училищу отказали и в приобретении машин для прачечной, и сократили расходы на оборудование кабинетов. Зато удалось подогнать смету под имеющуюся сумму в 80 446 руб.⁷⁰

Депутаты объясняли отказы не только дефицитом средств, но и нерациональным их расходом, небрежным ведением всего училищного хозяйства. Начальница защищалась, отвергая претензии по финансовым нарушениям, оспаривая сокращение ей жалования на 120 руб., прямое постановление съезда об увольнении экономки и назначении на ее место дья-

⁶⁴ Протоколы ЭЕСД. С. 38–39.

⁶⁵ ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. Тверь, 1910. С. 130–134.

⁶⁶ Приложение к журналу № 32 // ЖЭСДиЦС 12–20 декабря 1912 года. С. 184.

⁶⁷ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 92.

⁶⁸ ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. С. 139.

⁶⁹ ЖЭСДиЦС 12–20 декабря 1911 года. С. 206.

⁷⁰ ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. С. 130–137.

кона, сокращение вдвое жалованья помощнице экономки и кастелянше. В ее письме епархиальному владыке указывалось, что «недоброжелательное отношение» съезда к деятельности училища, лишает его «устойчивости и прочности»⁷¹. В итоге казалось бы обыденное обсуждение бюджета в дальнейшем вылилось в очередной конфликт.

Вопросы, касающиеся финансирования училища, обсуждались и помимо епархиальных съездов. Ревизоры даже из числа местного духовенства констатировали, что училище погрязло в долгах, а неотложных работ становилось все больше и больше: все, что ещё не развалилось, нуждалось в должном уходе.

Руководство училища со своей стороны не менее актуальными считало внутренние нужды, связанные с организацией быта и учебного процесса: приобретение «стирательных» машин, дооборудование кабинетов физики, природоведения, рисования, починку 5 роялей, повышение жалованья персоналу и казенного содержания для сирот⁷². Разгоряченные непрекращающейся дискуссией депутаты в 1910 г. назначают очередную «особую комиссию» для уточнения экономического состояния училища и решения вопроса по снятию недоимок за содержание несостоятельных учениц⁷³.

По результатам проверки в адрес руководства посыпались обвинения в нарушениях финансово-хозяйственной деятельности, особенно в части отчетности, которая велась «неправильно, небрежно, неаккуратно, с нарушениями Устава училища, постановлений епархиальных съездов и непосредственно распоряжений Его Высокопреосвященства». Ревизоры констатировали: сметы составлялись без «надлежащей системы», отчеты составлялись без соответствия смете, допускался перерасход сметы, за училищем постоянно числились неоплаченные долги, в приходно-расходных книгах по кухне разбираться приходилось с трудом, вплоть до обращения за уточнениями к лавочникам. Отмечалось, что иные воспитанницы бесконтрольно покидали училище, так и не заплатив за обучение. К тому же выяснялось, что невзысканные долги порой оказывались делом рук изворотливых родителей, предоставлявших справки о бедности семей.

Дошло до того, что все хозяйственные несуразности ТЕЖУ вынесли на специальный епархиальный съезд, который принял обращение к владыке с просьбой обязать училищную администрацию неуклонно исполнять обязанности соответственно уставу, а благочинных – тщательно проверять документы о доходах семей воспитанниц. Более того, депутаты недвусмысленно дали понять, что «устранение ненормального порядка в жизни училища» требует «обновления лиц училищной администрации»⁷⁴.

⁷¹ ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. Тверь, 1910. С. 137–140.

⁷² Там же. С. 9–10.

⁷³ Там же. С. 17–18.

⁷⁴ Там же. С. 107–109; Журнал епархиального съезда духовенства и церковных старост (далее – ЖЕСДиЦС). 12–20 декабря 1912 года. Тверь, 1913. С. 73.

Они инициировали проверку не на бумагах, а непосредственно в хозчасти училища, и обнаружили разного рода нарушения: в кухне и в комнате одной из воспитательниц оказались два сундука сахара (4 и 5 пудов с лишним), не зарегистрированных в приходной книге, при этом никто не смог (или не захотел) объяснить, откуда взялись неучтенные продукты⁷⁵. Начальница связала эту «находку» с обычаем хранить остатки сахара, который ученицы могли не расходовать на чай в столовой, а «сберечь на удовлетворение других потребностей», в том числе увозить домой на каникулах или варить варенье (что не предусматривалось сметой).

Получалось, что слишком дорого обходилась и обыкновенная фаянсовая посуда – за один учебный год барышни разбили (?) 272 чашки (третью часть всего их запаса). Более того, время от времени из хозчасти пропало белье, в чем подозревали кастеляншу⁷⁶.

Члены ревизионной комиссии не то чтобы обвиняли училищное руководство в растратах, но указывали на немотивированные/незапланированные расходы: приобретение табуретов для спален, расход во время постов скоромных продуктов (яиц, мяса, молока), закупку дров в сентябре-октябре, когда они дороже и доставка неудобна из-за бездорожья. При этом документы (инвентарные, приходно-расходные, талонные, квитанционные, кухонные и гардеробные книги) велись бессистемно, с исправлениями и «непонятными записями», а предметная книга не велась вовсе⁷⁷.

В декабре 1912 г. Ревизионный епархиальный комитет, возглавляемый священником Христорождественского женского монастыря А. Троицким, докладывал архиепископу Антонию о необходимости «уничтожить с корнем преступную небрежность» в ведении хозяйственных книг и ведомостей в ТЕЖУ. Отметим, что подобные погрешности были характерны и для других епархиальных училищ⁷⁸, но в тверском они становились поводом уличить руководство в некомпетентности или того хуже – в финансовых махинациях.

Внятных объяснений подобных несуразностей комиссия не получила или не захотела их принять. Оказалось, что, покидая училище, Иванчина не передала хозяйство Ф.В. Ильинской, назначенной исполнять обязанности начальницы, и оставила долги, о чем возмущенные депутаты решили сообщить в Учебный комитет С.В. Синода.⁷⁹ Зато в 1913 г. они с удовлетворением отмечали, что заменившая Ильинскую (всех смущала ее молодость) М.А. Краузе проявляла особое внимание к устройству хозяйственной жиз-

⁷⁵ ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. С. 231; ЖЕСДиЦС 12–20 декабря 1912 года. С. 73.

⁷⁶ ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. С. 116; ЖЭСДиЦС 12–20 декабря 1911 года. С. 184.

⁷⁷ ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. С. 115–116; ЖЭСДиЦС, 12–20 декабря 1911 года. С. 175–185, 190.

⁷⁸ Приложение к журналу № 39 // ЖЕСДиЦС 12-20 декабря 1912 года. 209; РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 128.

⁷⁹ ЖЭСДиЦС 12–20 декабря 1912 года. Тверь, 1913. С. 75.

ни⁸⁰. Однако новая многоопытная начальница покинула училище уже через полтора года, столкнувшись с «фрондой» епархиального духовенства. Совершенно очевидно, что в состоянии конфронтации рассчитывать на эффективную и слаженную работу не приходилось.

Здесь следует сделать небольшое отступление и отметить, что ситуация, сложившаяся в ТЕЖУ, если не типичная, то весьма распространенная⁸¹. Ни Уставы 1868 г. и 1897 гг., ни Учебный комитет Св. Синода, ни епархиальные власти четко не фиксировали полномочия начальниц училища⁸². По свидетельствам современников тех событий, начальницы епархиальных училищ часто оказывались в конфликте с инспектором (он же – законоучитель, и, как правило, настоятель училищной церкви)⁸³. Инспектору эти должности не давали особых преимуществ в управлении, но если личные отношения не складывались, это сразу резонировало в служебной сфере.

Не обошли стороной такие разногласия и ТЕЖУ. Многочисленные факты, зафиксированные в разного рода документах, свидетельствуют о затяжном конфликте между администрацией училища и епархиальным духовенством. Последние выступали не только как регулятор хозяйственно-финансовой деятельности, но и почитали себя экспертами в сфере учебно-воспитательного процесса. Установить баланс полномочий не удавалось. Как отмечали синодальные ревизоры Григоревский (1900 г.), Савваитский (1903 г.), Белявский (1907 г.), «с момента открытия училища сложился дух партийности и раздоров», который особенно усилился в «освободительные годы»⁸⁴. Достопочтенные «отцы» – депутаты епархиальных съездов, городские священники – члены различных комиссий и комитетов, проверявших деятельность училища, откровенно третировали его начальниц, склоняя на свою сторону то часть преподавательской корпорации, то епархиальных владык, а порой и ревизоров от Учебного комитета Св. Синода. Не все из женщин, назначаемых на пост руководителя, выдерживали агрессивный стиль взаимодействия и зачастую спасались бегством – переходом в другие училища. Одной из них – Марии Михайловне Жежеленко, дочери священника, выпускнице Таврического епархиального училища – особенно не повезло: «... несмотря на выдержку и энергию», она получила нервное расстройство и оставила службу по состоянию здоровья⁸⁵.

Дольше других продержалась Вера Васильевна Иванчина (1906–1912). Она стойко держала удары (по мнению депутатов – попросту не любила считаться с их решениями), но один публичный скандал на экзамене по церковному пению обернулся для нее переводом из Твери в Полоцк. Следует отметить, что именно на этих уроках, а затем – на общих молитвах предстояло «возжечь» религиозные чувства, воспламенить любовь к Богу.

⁸⁰ Приложение к журналу № 39 // ЖЭСДиЦС 12-20 декабря 1912 года. С. 209.

⁸¹ Кремнев Д. Указ. соч. С. 97.

⁸² РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 173.

⁸³ Христианское чтение. 1897. № 12. С. 814.

⁸⁴ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 87. Л. 20.

⁸⁵ Там же. Л. 20.

От воспитателей начальнице были известны изъяны прохождения этой дисциплины (отсутствие программы, опоздания учителя на уроки и жалобы воспитанниц, что спрашивают не то, чему учили). Вел предмет авторитетный священник, которому покровительствовал инспектор, и все как-то сходило с рук. Но однажды учитель и священники – члены комиссии без предупреждения надолго опаздывали на экзамен. Председатель комиссии священник М.П. Любский (один из оппонентов Иванчиной в дискуссиях по бюджету на епархиальных съездах) начал опрос, о чем, по всей видимости, кто-то сообщил начальнице, и она явилась в класс, чтобы на время заменить членов комиссии. Председатель возмутился «ее бестактности и превышению полномочий» и покинул экзамен, а инспектор отказался заменить его. Получалось, что не опоздавшие члены комиссии, а начальница сорвала экзамен. И все это – на глазах воспитанниц⁸⁶.

Разбирательство было долгим и шумным: воспитатели и большинство педсостава были на стороне Иванчиной, инспектор и преподаватели-священники старались переманить светских коллег на свою сторону. Более того, в адрес епархиального владыки жалобы писали пространные письма, надеясь на порицание непокорной им особе, упрекали в попустительстве училищный совет. Иванчина хорошо знала Устав, свои полномочия и давала спокойные, аргументированные объяснения архиерею, но даже его вмешательство не останавливало конфликт. Жалобщиков обидели полученные от владыки замечания за отсутствие программ и незаконные действия в ходе экзамена, но более всего раздражала безнаказанность начальницы.

Два летних месяца ушли на подготовку новой интриги: в августе на заседании училищного совета тот же священник Любский без согласования с начальницей поднял вопрос о режиме дня и питании воспитанниц, указывая, что действующий нарушает гигиенические нормы. Речь шла о перегруженности занятиями, коротких переменах и послеобеденном отдыхе. Примечательно, что совет работал в отсутствие начальницы, находившейся в отъезде по служебным делам. В ответ на обвинения в неправильной организации жизнедеятельности училища она, ссылаясь на документы, указывала в объяснительной владыке, что сложившийся порядок был ранее утвержден училищным советом, состав которого в годы ее управления не менялся, и, строго говоря, порицаемые порядки были ранее заведены самими протестующими. Она прямо писала о том, что «мужская часть преподавателей и священники во главе с инспектором создают скандальную обстановку и пытаются склонить на свою сторону воспитательниц»⁸⁷.

Пока тянулась переписка с архиереем, недовольные уже теперь его «бездействием» обратились с жалобой в Учебный комитет Св. Синода (лукаво запросив разрешения владыки), и таким образом скандал дошел до обер-прокурора. Синодальный ревизор Орнатский, разбиравшийся в перипетиях этой истории, «для прекращения вражды» прямо предложил Учеб-

⁸⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 87. Л.20.

⁸⁷ Там же. Л. 82.

ному комитету Синода уволить инспектора, а «начальствующим лицам и преподавателям оставить взаимную рознь и партийную вражду» и озаботиться насущными проблемами: повышением успеваемости, взысканием недоимок за обучение и ремонтом полов. В противном случае была обещана «строгая ответственность»⁸⁸. В итоге инспектора (эту должность с 1906 г. занимал священник, он же – законоучитель, кандидат богословия Н.П. Сердобольский) уволили. Покинула Тверь и Иванчина, ее назначили начальницей в Полоцкое училище. Но даже после отъезда в Учебный комитет поступила жалоба об ее долгах училищу⁸⁹.

Быт, нравы, поведение. Неизбежно возникает вопрос: отражались затяжные (хотя и вялотекущие) конфликты взрослых на учебе и повседневной жизни детей? Важно отметить, что контингент обучающихся год от года разрастался и, к примеру, на момент происшедших скандальных событий составлял 492 человека (461 – из духовного звания, 31 – инословных, 397 проживали в общежитии)⁹⁰. Единичные ежегодные отчисления по прошению родителей⁹¹, по состоянию здоровья, за частые самовольные отлучки⁹² существенно не влияли на внутренний порядок и репутацию учебного заведения. Повседневная жизнь выстраивалась по своим «законам», и ее течение в закрытых учебных заведениях резко контрастировало с домашним укладом.

Судя по отчетным документам, изначально в училище установилась строгая дисциплина. Барышни находились под неусыпным контролем воспитательниц и их помощниц, жили и учились по режиму: ранний подъем, молитва, скромный завтрак, уроки, обед, короткий отдых, опять уроки и подготовка домашних заданий. В насыщенный занятиями день приходилось включать дежурства по кухне, уборку спален и классов. По мере разрастания контингента объем работ по хозяйству также увеличивался. Синодальные ревизоры отмечали, что тверское женское училище и особенно спальни воспитанниц отличались чистотой и порядком⁹³, однако некоторых девушек, как правило, старшеклассниц, не вдохновляли эти похвалы, и они тяготились внеурочными обязанностями.

Как и во всех училищах, воспитанницы ТЕЖУ одинаково одевались. У каждого был «свой» цвет платья. Тверичанки носили форменное бордовое (шерстяное или ситцевое) с черным передником по будням, в праздники – с белым (которого лишали за провинности) и пелериной⁹⁴. Все одинаково причесывались, заплетая волосы в одну косу. Прогулки проходили

⁸⁸ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 87. Л. 32, 82, 84.

⁸⁹ Приложение к протоколу № 32 // ЖЕСДиЦС 12-20 декабря 1912 года. С. 217.

⁹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 398. Л. 4–5 об.

⁹¹ ТЕВ. 1897. № 13. С. 307.

⁹² РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 398. Л. 9–10.

⁹³ ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. С. 123.

⁹⁴ ТЕВ. 1898. № 12. С. 299.

под присмотром воспитательниц. Даже на каникулы разрешалось отправляться только по просьбам родителей или опекунов⁹⁵.

Однако строгости начального периода быстро сошли на нет. И хотя особо дурных проступков за девушками не водилось, отмечались лишь обычные детские шалости, не требующие серьезных наказаний (провинившихся сажали в столовой за особый стол или назначали дополнительное дежурство), из заключений проверяющих следует, что уже к началу 1900-х гг. воспитательная часть в ТЕЖУ находилась в «крайне расстроеном состоянии»⁹⁶. Сказывались и внутренние порядки, и весьма «философское» отношение ко всему училищного совета, и, разумеется, предреволюционные события.

Особенно огорчало взрослых бытовое поведение будущих «идеальных жен и матерей»: старшеклассницы (16–17 лет) вели себя развязно не только с персоналом, но и с начальницей, самовольно уходили в город, «неизвестно с кем гуляли за городом», а иные и вовсе пытались устраивать забастовки. Призванной в 1906 г. «на усиление» начальнице В.В. Иванчиной удалось сплотить небольшую группу воспитательниц (Ильинскую, Никольскую, Ромодановскую, Сахарову) и усилить воспитательный надзор⁹⁷. По ее распоряжению расчистили внутренний двор для гимнастических занятий, разбили клумбы и грядки, где воспитанницам предлагалось выращивать цветы и овощи. В дни рождения воспитанниц стали служить молебны⁹⁸.

В воспитательном процессе наставницы старались использовать ресурсы училищной библиотеки. Она открылась не сразу из-за недостатка средств. Но, вопреки упорству депутатов, по настоянию епархиального владыки с 1901 г. начались ежегодные отчисления по 50 руб. на ее устройство⁹⁹. Учебники, художественные произведения для внеклассного чтения, научную литературу для преподавателей приобретали на книжном складе Братства Михаила Тверского. Кроме того, постоянно выписывали журналы: «Русская школа», «Юная Россия», «Исторический вестник», «Задуманное слово», «Странник», «Церковные ведомости», «Тверские епархиальные ведомости»¹⁰⁰. К 1910 г. в библиотеке числилось более двух тысяч книг и журналов, для удобства пользователей – учениц и преподавателей – велся системный и хронологический каталог¹⁰¹. В организации и содержании библиотеки в ТЕЖУ видится его явное преимущество сравнительно с аналогичными учебными заведениями¹⁰².

⁹⁵ РГИА. Ф. 802. Оп. 9. Д. 1. Л. 174.

⁹⁶ Там же. Оп. 15. Д. 398. Л. 9–10.

⁹⁷ Там же. Оп. 11. Д. 87. Л. 43–45.

⁹⁸ Там же. Оп. 15. Д. 398. Л. 11 об., 45–45 об.

⁹⁹ ТЕВ. 1901. Вып. 22. С. 652; ЖЭСДиЦС 12–20 декабря 1911 года. С. 206.

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 398. Л. 12.

¹⁰¹ ЖЭСДиЦС 12–20 декабря 1911 года. С. 185.

¹⁰² РГИА. Ф. 802. Оп. 10. Д. 68. Д. 176.

По «экономическому принципу» воспитанницы училищ делились на пансионерок и полупансионерок, последние, как правило, происходили из бедных семей и не имели самого необходимого для жизни: белья, одежды, обуви, пальто по сезонам. Всех поступивших на обучение обеспечивали трехразовым питанием, спальными принадлежностями, столовой посудой, на два года выдавали по паре галош, но этим не исчерпывались потребности молодых девушек. Тех средств, которые поступали при зачислении на их обеспечение (по 20 руб. – с первокурсниц, по 23 руб. с уже обучавшихся на одежду, по 10 руб. – на обувь¹⁰³), явно не хватало. Отметим, что все эти правила распространялись и на дочерей преподавателей и служащих ТЕЖУ.

Часть получаемых средств полагалось тратить на продукты из расчета 19 коп. на персону в будни, в воскресенье – 24 коп.¹⁰⁴ Составить представление о рационе можно по данным на 1911-1912 гг., когда на пищевое довольствие воспитанниц и служащих в училище выделили 28 740 руб.¹⁰⁵. В кухонных книгах упоминаются: 4 вида овощей, мясо (свежее и соленое), 4 вида животного и растительного масла, сало, грибы соленые, яйца, 3 вида муки, 2 вида круп, макароны, рыба (6 видов свежей, 2 соленой и сушеная (снетки), 5 видов фруктов и ягод, варенье, сладости, сахар, сухая и свежая зелень, пироги, черный и белый хлеб, специи¹⁰⁶. Специальными комиссиями, делегированными епархиальным съездом, и приезжающими ревизорами отмечалось удовлетворительное качество пищи и достаточность порций¹⁰⁷. Вместе с тем за пределами училища воспитанницы жаловались своим домашним на «плохой стол»¹⁰⁸. Проведенная ревизия в 1912 г. показала, что часть продуктов все же не доходила до потребителей: ее количество занижалось «по мере прохождения по кухонным инстанциям», а иные продукты (по преимуществу рыба) порой не попадали в меню¹⁰⁹.

Забота о питании учениц напрямую увязывалась с обязанностью поддерживать и укреплять их здоровье, данное правило вменялась администрации училищ уставными документами¹¹⁰. Разрыв с семьей, новые коммуникативные процессы, большие учебные нагрузки, строгий распорядок дня сказывались на состоянии здоровья девочек, особенно на стадии привыкания к училищной жизни. Не всем удавалось быстро втянуться в режим, и, к примеру, уже в 1897 г. трое покинули училище по болезни¹¹¹.

¹⁰³ ЖОЕСДиЦС, 10–19 декабря 1909 года. С. 111.

¹⁰⁴ Там же. С. 115.

¹⁰⁵ ЖЭСДиЦС, 12–20 декабря 1911 года. С. 208.

¹⁰⁶ Там же. С. 181–182, 288–229.

¹⁰⁷ Там же. С. 186.

¹⁰⁸ Там же. С. 190.

¹⁰⁹ Журнал по проверке экономического отчета Тверского епархиального женского училища, составленный Тверским епархиальным ревизионным комитетом на основании ВЫСОЧАЙШЕ утвержденных 1 апреля 1911 года правил об епархиальных ревизионных комитетах // ЖЭСДиЦС 12–20 декабря 1912 года. С. 229.

¹¹⁰ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. Д. 26. Л. 120.

¹¹¹ ТЕВ. 1897. № 13. С. 307.

Болели девочки часто. Статистика заболеваемости представлена неравномерно. Но, к примеру, только в 1910–1911 учебном году к доктору обращались 235 учениц. Кроме легких недомоганий и сезонных воспалительных заболеваний, были диагностированы свинка (1), брюшной тиф (2), дифтерит (2), желудочные заболевания (29), головная боль по преимуществу от малокровия (63), ангина и другие заболевания горла (38), воспаление легких (1), туберкулез (2). Десяти воспитанницам назначили усиленное питание (молоко, яйца). Во время лечения по предписанию врача больные не держали постов, включая Великий¹¹². На 1911 г. зафиксирован один летальный исход¹¹³ и случай самоотравления. Ученица с наследственным психическим заболеванием пыталась выпить на уроке серную кислоту, но только обожгла губы¹¹⁴.

Лечение и амбулаторное наблюдение велись медицинским персоналом больницы, которая в ТЕЖУ появилась одновременно с открытием. В отчетах ревизоров из Учебного комитета Св. Синода не раз подчеркивалось, что содержалась она в образцовом порядке. Средства на медчасть регулярно направлялись по решениям епархиальных съездов даже в 1910-е годы, когда училище запуталось в долгах. К примеру, в 1912 г., когда не доставало денег даже на приобретение учебников, выделенная на больницу сумма составляла 1 260 руб., из них почти третья часть (500 р.) отводилась на медикаменты¹¹⁵.

Подобные практики имели большое значение особенно для не получивших полный пансион, они порой бедствовали. Чем могли, с «недостаточными ученицами» делились подружки, но основные расходы училищу приходилось брать на себя семьям или попечителям¹¹⁶. Так, уже в год открытия училища 30 девочек-сирот содержались за счет последних (около 2 500 руб. в год)¹¹⁷. Свободных средств в училище практически не было, всякий раз начальницам приходилось выпрашивать деньги у депутатов епархиальных съездов или идти на явные нарушения. Но следует учитывать, что туда же адресовались и задолжавшие за обучение родители и опекуны обучающихся.

Депутаты в отношении должников действовали жестко, отказывая в увеличении числа «льготниц»¹¹⁸; пособия для вновь принимаемых сирот одобряли выборочно и перенаправляли запросы в училищный совет¹¹⁹. Так, по результатам задолженности за календарный 1906 г. перед началом следующего учебного года более 40 родителей (по преимуществу из духовного звания), в том числе и вдов, получили отказы или разрешения на рас-

¹¹² ЖЭСДиЦС, 12–20 декабря 1911 года. С. 182.

¹¹³ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 398. Л. 10.

¹¹⁴ Там же. Оп. 11. 398. Д. 87. Л. 44 об.

¹¹⁵ ЖЭСДиЦС, 12–20 декабря 1911 года. С. 206.

¹¹⁶ ЖОЕСДиЦС, 10–19 декабря 1909 года. С. 125.

¹¹⁷ ТЕВ. 1895. № 14. С. 205.

¹¹⁸ Там же. 1901. № 22. С. 635.

¹¹⁹ ЖОЕСДиЦС 10–19 декабря 1909 года. С. 162.

срочку платежей, только четырнадцати просителям долги списали¹²⁰. По документам 1909 г. в списке «недоимщиков» – отцов и вдов священников – числились 23 персоны. Получили скидку 17, остальным отказали. Общая сумма недоимок будто бы и невелика – 2 569 р. 70 коп., но оказали помощь лишь на 274 руб. 90 коп. В 1911 г. за помощью обратились 7 человек, отказали всем¹²¹. Как отмечалось в документах съездов, третья часть просителей обращалась ежегодно¹²². Причиной/поводом отказать становились неправильно оформленные документы, отсутствие поддержки со стороны благочиннических съездов, но главное – дефицит средств. Долги не возвращались годами, к примеру, на 1911 г. долг закончивших обучение и обучающихся составлял 22 029 руб. 80 коп.¹²³

Открытое при училище в июне 1904 г. благотворительное общество во имя святой великомученицы Варвары хотя традиционно и находилось под почетным председательством епархиальных владык, включало в свой состав 108 членов из светских и духовных лиц, его финансовый ресурс был невелик (к примеру, 2 652 руб. 65 коп. в 1909 г.¹²⁴). Правление общества в декабре 1910 г. обратилось к епархиальному съезду за «усилением средств» для помощи беднейшим воспитанницам ТЕЖУ и получило отказ с рекомендацией адресно обращаться к священникам «за лептой по подписным листам»¹²⁵. Жертвователи находились, но их вкладов было недостаточно для покрытия всех нужд. Стипендия имени архиепископа Саввы (Тихомирова) и 2 стипендии имени архиепископа Димитрия (Самбикина)¹²⁶, как правило, назначались лучшим ученицам. Епископ Гавриил (Голосов), некогда викарий Тверской епархии, в честь своего юбилея пожертвовал 100 руб. «на покрытие недоимок наименее беднейшим воспитанницам»¹²⁷.

Зачастую семьям учениц приходилось самостоятельно выбираться из долгов. К примеру, вдова псаломщика Параскева Рясинская (погост Прутня, Новоторжский уезд, 1911 г.), хлопотала через тверскую духовную консисторию о списании долга в 25 руб. за обучение дочери, но получила отказ. В ответ она оповестила консисторию, что вовсе не намеревается оплачивать недоимку. Епархиальный съезд, куда вынесли трудный вопрос на обсуждение, поручил местному благочинному удержать эту сумму из попечительского пособия вдовы¹²⁸. Этот печальный случай – далеко не единственный.

В 1912 г. Общество выступило с новой инициативой – провести единовременный сбор с церковью и причтов епархии по 1 руб. в пользу бедных учениц ТЕЖУ, но депутаты на очередном съезде отклонили и это предло-

¹²⁰ Протоколы ЭЕСД. 17–25 августа 1907 года. С.40–43.

¹²¹ ЖЭЕСДиЦС 12–20 декабря 1911 года. С. 66.

¹²² ЖОЕСДиЦС, 10–19 декабря 1909 года. С. 141–145.

¹²³ ЖЭЕСДиЦС, 12–20 декабря 1911 года. С. 60.

¹²⁴ ТЕВ. 1905. № 7. С. 183–185.

¹²⁵ ЖОЕСДиЦС, 10–19 декабря 1910 года. С. 28.

¹²⁶ РГИА. Ф. 802. Оп. 15. Д. 398. Л. 5.

¹²⁷ ЖЭЕСДиЦС, 12–20 декабря 1911 года. С. 12.

¹²⁸ Там же. С. 68.

жение¹²⁹. Парадоксально, но коллективным должником оказался и сам съезд, точнее, Тверская епархия в его лице. В 1909 г. руководство Царско-сельского женского училища (ЦЖУ) обратилось к депутатам с напоминанием, что за предшествующее 10-летие его окончили 128 дочерей тверского духовенства, и на момент обращения обучались 47 стипендиаток. Но стипендии для них поступали нерегулярно, и Правление призывало погасить долги, а в случае отказа грозило отчислить всех тверских задолжниц. Съезд признал обращение справедливым, но отложил перечисление средств «до более благоприятного времени»¹³⁰.

С началом Первой мировой войны некоторым послаблением нуждающимся стало обязательное освобождение от платы за обучение дочерей мобилизованных на военную службу (Определение Св. Синода от 5–22 ноября 1914 г.), единовременная выплата из средств Св. Синода особо нуждающимся учащимся духовных учебных заведений Тверской епархии, распределение небольших пособий (от 1 руб. до 9) из средств общества св. Варвары для сорока трех учениц¹³¹.

Трудности быта сказывались на настроениях и поведении учениц. Оставаясь внешне благополучным и благонадежным, училище постепенно втягивалось в политические процессы. По свидетельствам, рассеянным в источниках, уже в начале XX в. под влиянием широкого ученического движения воспитанницы все чаще выражали недовольство своим положением, а в 1904 г. пытались даже организовать забастовку¹³². В первые месяцы революции 1905–1907 гг. они спровоцировали открытый конфликт с администрацией. Во главе «движения» оказались старшеклассницы: с октября 1905 г. они пропускали занятия и богослужения, подавали петиции в администрацию, хулиганили: стучали и звонили в дверь начальницы, на стенах ее квартиры писали угрозы, нарушали режим, являясь по своему усмотрению в столовую¹³³. Совет училища удовлетворил их отдельные требования: разрядные списки заменили алфавитными (что обрадовало тех, кто учился без особого рвения и занимал последние строки), сократили часы дежурств по зданию и столовой.

11–13 октября 1905 г. забастовщики из числа учащихся мужской гимназии и духовной семинарии устроили шествие по центральной улице Твери, пытались проникнуть в здание епархиального училища и привлечь в свои ряды учениц. Только усиленный наряд полиции смог воспрепятствовать им¹³⁴. Отметим, что это не просто агитационный акт или хулиганская выходка. Некоторая часть воспитанниц сочувственно относилась к проис-

¹²⁹ ЖЕСДиЦС, 12–20 декабря 1912 года. С. 75–76.

¹³⁰ ЖОЕСДиЦС, 10–19 декабря 1909 года. С. 68–69.

¹³¹ ТЕВ. 1914. № 33. С. 604–605.

¹³² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1905. Ч. 3. Л. 1.

¹³³ Епархиалки. С. 23.

¹³⁴ Журавлев Н.В., Паньков И.П. Хроника революционного движения с 1904 по 1918. Калинин, 1941. С. 21.

ходящему, другие принимали активное участие в «революционной борьбе». Вплоть до декабря 1905 г. в училище продолжались волнения: зачинщицы требовали увольнения начальницы, изменения внутреннего распорядка. Когда их петицию отклонили, три старших класса на три дня прекратили занятия и самовольно разъехались по домам¹³⁵.

Администрация вновь пошла навстречу протестующим, и некоторые их требования были удовлетворены. Однако, когда, казалось бы, волнения улеглись, в квартире воспитанниц обнаружили гектограф, на котором печатались воззвания Тверского комитета РСДРП к новобранцам¹³⁶.

Как отзывалось на подобные вызовы синодальное руководство? В одном из определений Синода разъяснялось, что бунтарские настроения учениц, нежелающих заниматься, не ускорят предполагаемые преобразования, а их коллективные заявления являются нарушением общепринятого распорядка и «не должны быть принимаемы училищными начальствами к рассмотрению»¹³⁷. При этом в Синоде все же сложилось понимание необходимости неотложно провести преобразования в ЖУ «в соответствии с запросами современной жизни». Признавая, что епархиальные женские училища отстают даже от «родственных по духу» духовных училищ, ведомство оберпрокурора заявило о предстоящей реорганизации¹³⁸ и предложило Училищным советам высказать свои соображения. Они нашли отражение в «Отзывах епархиальных архиереев о церковной реформе», опубликованных в 1906 г. С разной степенью заинтересованности «на местах» отреагировали на запросы о реформах в части женского образования. Большинство поддерживало ожидания обучающихся сделать их «соответствующими по курсу и правам женским гимназиям», превратив ЕЖУ в «полноправные женские гимназии епархиального ведомства»; предлагалось также объявить их всеобщими и перевести на государственный счет¹³⁹.

Постепенно волнения в ТЕЖУ сменялись ожиданиями преобразований – в 1908 г. в докладе начальницы епархиальному владыке сообщалось, что в училище нет политически неблагонадежных воспитанниц и преподавателей¹⁴⁰.

Первая мировая война вновь обострила кризисные явления в женских духовных учебных заведениях: хроническое недофинансирование, связанное с инфляцией, возбудило недовольство. Руководство ТЕЖУ всеми мерами пыталось сохранять порядок, но отношение воспитанниц к учебе резко изменилось: снизился уровень успеваемости, участились переэкзаменовки и отчисления. Увеличивались задолженности по оплате образования. В январе 1917 г. епархиальный училищный совет официально предупредил семьи

¹³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 119. Л. 19.

¹³⁶ Журавлев Н.В., Паньков И.П. Указ. соч. С. 49.

¹³⁷ Церковные ведомости. 1906. № 1. С. 9.

¹³⁸ Там же. С. 7.

¹³⁹ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Часть первая. М., 2004. С. 72, 578, 595, 620.

¹⁴⁰ ЖОЕСДиЦС, 10–19 декабря 1909 года. С. 140.

воспитанниц: старшеклассниц, имеющих непогашенные долги, не допустят к выпускным экзаменам, младших отчислят и выселят из общежития¹⁴¹.

В феврале 1917 г. события и вовсе принимают неожиданный для всех оборот. Сразу после падения монархии в адрес Святейшего Синода и Временного правительства стали поступать письма от преподавателей и воспитанниц с просьбой ускорить решение наболевших проблем. 5–18 мая в Синоде они обсуждались при участии патриарха, но первостепенным оказался вопрос статуса/административной подчиненности ЕЖУ. Планировалось сохранить их в ведении Высшего церковного управления (ВЦУ) и не допустить переподчинения комиссариату народного образования¹⁴². Однако состоявшийся 25–31 мая в Москве Всероссийский съезд учителей духовных учебных заведений большинством голосов поддержал предложение передать епархиальные училища в подчинение Министерства народного образования с сохранением преподавания Закона Божьего, что гарантировало бы стабильное финансирование, уравнивание в правах с гимназиями, а наличному составу служащих – жалованье и пенсии по утвержденным нормам¹⁴³. При этом и в одном, и в другом собрании звучали призывы незамедлительно реформировать женские духовные школы. Вопросы реорганизации женских образовательных учреждений церковного ведомства обсуждались и на Поместном Соборе¹⁴⁴.

На местах преобразования начались под лозунгом демократизации всего и вся. Повсеместно чрезвычайные епархиальные съезды вносили изменения в систему управления, учебные планы, назначали новый руководящий состав – прежние начальницы уже не устраивали как не соответствующие «духу времени»¹⁴⁵. На последнем епархиальном съезде в январе 1918 г. тверское духовенство продемонстрировало намерение и дальше вести учащихся духовных учебных заведений «к познанию истины и правды», подтвердило открытие в ТЕЖУ стипендий в 500 руб. для детей Георгиевских кавалеров, отклонило все прошения по надбавкам к жалованию преподавателям и воспитателям, постановило взимать плату за обучение за год вперед¹⁴⁶.

Несмотря на тяготы революционного времени, практически все причастные к делу духовного образования рассчитывали отстоять свои права. Совет ТЕЖУ в июне 1918 г. объявил, что к началу следующего учебного года (1918–1919) реформированное училище будет представлять собой женскую гимназию «христианско-православного характера»¹⁴⁷. Но воплотить в жизнь задуманное не удалось. В 1918 г., как и все учебные заведения

¹⁴¹ ТЕВ. 1917. № 1–2. С. 32.

¹⁴² Там же. 1918. № . С. 12–13.

¹⁴³ Протоколы первого Всероссийского съезда деятелей духовной школы (Москва, 1917, 25–31 мая). Калуга, 1917. С. 32, 34–38.

¹⁴⁴ См. подробнее: *Кремнев Д.* Указ. соч. С. 103–105.

¹⁴⁵ *Кремнев Д.* Указ. соч. С. 102.

¹⁴⁶ ТЕВ. 1918. № 1–4. Приложение. С. 6.

¹⁴⁷ Там же. № 13–18. С. 32.

духовного ведомства, ТЕЖУ было закрыто и затем преобразовано в Единую трудовую школу.

Заключение. Каковы же результаты 22-летней деятельности ТЕЖУ? Образование получили около двух тысяч девушек из разных сословий (более 1500 – с аттестатом, остальные не успели закончить курс)¹⁴⁸. Большинство из них заполняли места в церковно-приходских и земских школах Тверской губернии. Некоторые из выпускниц добились более значительных успехов: Фавста Владимировна Ильинская прошла все стадии профессии от помощницы воспитательницы до начальницы, «за особую любовь к училищу и неутомимую трудоспособность» в порядке исключения в молодом возрасте награждена нагрудной серебряной медалью на станиславской ленте «За усердие»; Вера Арсеньевна Ромодановская (окончила ТЕЖУ в 1903 г.) в 1904 году – получила должность воспитательницы в Полоцком ЕЖУ, имела нагрудную серебряную медаль. Кто-то направился в иные сферы, к примеру, Зоя Леонидовна Криденер по окончании ТЕЖУ поступила в Петербургский женский медицинский институт и стала врачом.

Но известны и другие биографии. Так, Нина Ивановна Рождественская, дочь священника, окончила полный курс в 1900 г. и направилась учить детей в деревню Дмитровку Весьегонского уезда Тверской губернии. В декабре 1905 г. крестьяне, родители ее учеников, на волостном сходе составили приговор с отказом пускать детей в школу и направили его в полицию. Оказалось, что молодая учительница в классе внушала детям, что Бога нет, что не надо читать молитвы и тем более молиться за царя, портрет которого бросила за печку. В январе 1906 г. школу закрыли¹⁴⁹.

Оправдались ли надежды организаторов епархиальных женских училищ на создание целого социального слоя благочестивых матушек – жен и воспитательниц новых поколений? В эпоху, когда в Российской империи «все было предметом отрицания: религия, родина, семья», а «женщина перестала быть душой семьи»¹⁵⁰, а нравственные идеалы и ценности обретали новое содержание, вряд ли малочисленные отряды бывших епархиалок могли воспрепятствовать деструктивным процессам.

Список литературы:

1. *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., Изд-во ИРИ РАН. 1991. – 392 с.
2. *Иванов А.Е.* «Женский вопрос» в российских университетах в начале XX в. // Высшая школа Российской империи XVIII – начала XX века: Избранные статьи. М.: «Принципиум», 2019. С. 204–218.

¹⁴⁸ Подсчитано по: Выпускницы Тверского епархиального женского училища 1897, 1900–1917 гг. [Электронный ресурс] URL: <https://petergen.com/bovkalo/duhov/tverezu.html> (дата обращения: 12.11.2025 г.)

¹⁴⁹ ГАТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 989. Л. 63-63 об.

¹⁵⁰ Цит. по: *Экштут С.* Повседневная жизнь русской интеллигенции времен заката империи. М., 2025. С. 144.

3. Кремнев Д. Женские епархиальные училища российской империи в начале XX века: к вопросу о проблемах и перспективах развития// Вестник исторического общества Санкт-Петербургской Духовной академии научный журнал. № 14. 2020. С. 95–111.
4. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 2. М.: «Прогресс-Культура», 1994. – 496 с.
5. Экинут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции времен заката империи. М., изд-во: «Кучково поле»: «Ретроспектива». 2025. – 720 с.
6. Попова О.Д. В стенах конвикта... (Очерки повседневной жизни женских епархиальных училищ). Рязань: изд-во «Поверенный», 2006. – 275 с.

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, г. Тверь, ул. Трехсвятская, д. 16/31), e-mail: kroneko@mail.ru

Tver Women's Diocesan School: 1895–1918

Tatiana G. Leontieva

Tver State University, Tver, Russia

The article presents the events that preceded the opening of the Tver Women's Diocesan School (TEZH) in the provincial city of Tver and its development from 1895 to 1918. Based on a large number of documents, including materials from the diocesan congresses of the Tver clergy, the church press, contemporary accounts, and archival data, the article explores the specifics of the educational process, financial and economic activities, living conditions, and the attitude of the diocesan clergy towards the school. The conducted research shows that the issues of education for girls from the clergy, despite the obvious demand from the families of clergymen, were not always supported in a timely manner. On the one hand, the constant monitoring of TEJU by its founders demonstrated openness in discussing the pressing issues of its activities, but on the other hand, it limited any initiatives that required financial investments. However, the graduates were in demand in solving the problems of public education.

Keywords: Tver Women's Diocesan School (TEJU), Tver Diocese, Diocesan Conferences, Women's Education.

About the author:

LEONTIEVA Tatiana Gennad'evna – the Doctor of History, the Professor, the Dept of Russian History, The Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kroneko@mail.ru

References:

- Ivanov A.E. *Vysshaya shkola Rossii v konce XIX – nachale XX veka*, M., 1991. 392 s.
- Ivanov A.E. «*Zhenskij vopros*» v rossijskih universitetah v nachale XIX v., *Vysshaya shkola Rossijskoj imperii XVIII – nachala XIX veka: Izbrannye stat'i*. M.: «Principium», 2019. S. 204–218.
- Kremnev D. *Zhenskie eparhial'nye uchilishcha rossijskoj imperii v nachale XX veka: k voprosu o problemah i perspektivah razvitiya*, *Vestnik istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj akademii nauchnyj zhurnal*. № 14. 2020. S. 95–111.
- Milyukov P.N., *Ocherki po istorii russkoj kul'tury*. T. 2, ch. 2. M.: «Progress-Kul'tura», 1994. – 496 s.
- Ekshtut S.A., *Povsednevnyaya zhizn' russkoj intelligencii vremen zakata imperii*, M., izd-vo: «Kuchkovo pole»: «Retrospektiva». 2025. – 720 s.
- Popova O.D., *V stenah konvikta... (Ocherki povsednevnoj zhizni zhenskih eparhial'nyh uchilishch)*. Ryazan': izd-vo «Poverennyj», 2006. – 275 s.

Статья поступила в редакцию 12.12.2025 г.

Подписана в печать 21.04.2026 г.